

Сериал как образ жизни

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Свершилось, дождался. Единственный роман одного из современных русских писателей-эмигрантов, отличающийся беллетристической пригодностью для телевоплощения, вышел в эфир. Русская писательская эмиграция последних десятилетий, странная невнятностью гражданства своих представителей, местом проживания, все активнее подтягивается назад, в Россию. Вот и милейший бытописатель, захвативший читательские сердца еще в конце 50-х годов прошлого века своими бесшабашно сленговыми и не лишеными признаков неопасного инакомыслия произведениями, Василий Аксенов снова в наших рядах. Широко публикуясь в России, он сочинил поначалу трогательную, а чем дальше – тем все более скучную своим отчетно-публицистическим тоном «Московскую сагу». Теперь же получился не просто сериал, обнаружилось свойство современной жизни, которая ищет свою опору в истории, и каждый новый эпизод превращается в очертанную телевизионную серию.

В одном из недавно опубликованных интервью Аксенов, чувствуя себя классиком, кокетливо откостил от оценки актеров, приглашенных для съемок в «его» фильме, и заметил: «Я ведь на 10 лет выпадал из жизни. И за это время многие актеры сделали карьеру, стали знаменитыми. Я их не знаю. Мне стыдно. Я иногда так киваю, говорю: да-да-да-да, это большой артист». Полноте, кое о ком из нынешних 30 – 40-летних так, возможно, и имеет право сказать писатель, но только не о тех двоих, ради кого, собственно, и стоило это затевать.

Юрий Соломин – старожил наших сериалов. Его карьера и популярность родились из знаменитого «Адютанта его превосходительства». Постаревший и повышенный в ранге, в новом сериале – профессор-хирург, орденосолец – так он на полном серьезе и с искренней верой в чудодейственную силу своих заслуг и регалий представляется по телефону секретарше всесоюзного старосты Калинина. Мягкость манер, чувство собственного достоинства, не позволяющее задевать достоинство другого, младшего по возрасту или низшего по положению, сипловатый, но уверенный голос, традиционные усики – вот портрет основателя той династии, о которой действительно можно было сложить сагу.

Инна Чурикова – актриса, чья мама была крупным ученым-биологом и кто не понаслышке знает атмосферу профессорского дома. Оба хранителя очага и основоположника династии Градовых, сыгранные впервые составившими дуэт Чуриковой и Соломиным, едва ли не идеально вписываются не только в ситуацию или конкретную обстановку, но и в самую историю.

И дом, ставший главным героем первых серий, вбирает в себя личный опыт и личные судьбы создателей сериала. Можно ли было не узнать на фотографии, висящей над лестницей и привлекающей к себе внимание режиссера и оператора (да и самих персонажей) на протяжении фильма, Чурикову в роли горьковской Вассы Железновой? Актриса сфотографирована с прической совсем иной, чем в преклонные годы, то есть в новом фильме. А главное – рядом с нею очаровательное белокурое существо, которое в реальности было сыном актрисы Ваней, а в том давнем фильме мальчик играл внука Вассы.

«Сериальность» демонстрации этой прошлой, милой, насыщенной трудами и разнообразным общением жизни не без слащавой умиленности, но последовательно и конкретно рисуется еще одной, регулярно идущей – теперь на Первом канале, а прежде на НТВ – передачей «Дачники». И снова – семейственность в основе странствий нежно «мяукающей» дамы по подмосковным или южным «недворянским гнездам». Маша Шахова, дочь крупного телевизионного начальника советской эпохи и известной телеведущей, освещавшей вопросы культуры, жена не менее известного, хоть по своему поведению явно неродовитого Е. Киселева, «своя» на диванчиках, среди кустиков, рядом со старомодными лампами, где снимает вторые и третьи поколения советской элиты.

Все эти сериалы можно было бы назвать одним словом – ностальгия. По старой Москве, по большим семьям. А главное – по стабильности.

Все эти сериалы можно было бы назвать одним словом – ностальгия. По старой Москве, где Серебряный бор был окраиной, по старому Тифлису с его вызывающей белизной одеждой и кривизной улочек, по большим семьям, где внимание родителей расплывалось на нескольких детей и внуков, где можно и нужно было регулярно встречаться и обязательно помогать другу другу. А главное – по стабильности, которая во всей своей прелести и призрачности окрашивает первые серии «Саги».

Однако эта «сериальность» носит сегодня альтернативный характер. Ибо большинство из того, что предлагает телевидение, будь то «Граф Крестовский» (НТВ) с его нескрываемо примитивными потугами на воссоздание романтической обстановки «Графа Монте-Кристо» или душещипательный и зубодробительный «Сармат» (телеканал «Россия»), поистине кроважно. Льющаяся кровь и исковерканные человеческие судьбы и тела становятся привычными параллельно в теленовостях и «как бы» художественных лентах. Здесь тоже идет своего рода сериал, с другим названием – «жестокость».

«Московская сага» самым неожиданным, я думаю, не запланированным ее создателями способом соединила ностальгию и жестокость. Это произошло там, где возник образ строящегося нового государ-

ства (злокозненность Сталина, режиссирующей операцию – убийство Фрунзе, народный плач раскулачиваемых, таинственное убийство грузинского старца). Но это же удивительным образом соприсоснулось с ностальгически-жестокими мотивами еще одной телепремьеры – «Медной бабушки», поставленной юбилеем Михаилом Козаковым по старой и не весьма удачной пьесе Л. Зорина. Во-первых, сам семидесятилетний Козаков близок по возрасту к тому поколению, к которому принадлежит родившийся в 1925 году рассказчик «Саги». Во-вторых, режиссер, как и писатель Аксенов, претерпел на своем веку некоторые, хотя далеко не самые страшные притеснения со стороны власти, когда ему запретили ставить спектакль о Пушкине с низкопробным и уродливым, по мнению чиновников, Р. Быковым в роли великого поэта. В-третьих, он прославился своими мини-сериалами, из которых самый яркий и самый, если так можно сказать, ностальгический – это очаровательные «Покровские ворота» с молодым Меньшиковым, с роскошными Равиковичем, Ульяновой, Броневым, а главное – с образом милой, бедной, простодушной Москвы. Тоже – если не сага, то прелестная московская новелла. В юбилейном опусе Козакова власть в лицах Бенкендорфа или Николая I является своего рода ностальгическим объектом, как Сталин и его окружение – в опусе Барщевского. Сериал и его невольный спутник – спектакль обнаруживают чуть ли не тоску по той, пусть жестокой, тиранической власти, которая объяс-

нима и даже по-своему симпатична в своей монументальности и последовательности.

В начале новой теленедели гложут сомнения: не скатится ли ностальгирование первых серий «Саги» к банальной стилизации, которая скороговоркой, как в рекламных роликах канала, предъявит и убийственные 30-е, и военные 40-е, и обнадёживающие 50-е годы? Выдержит ли этот сериал соперничество в эфире с идущими сразу по нескольким другим каналам старыми и новыми сериалами? Не возникнет ли резонанс этого фундаментального группового портрета семьи на фоне истории с другим сериалом, который пока скромно попыхивает на Гортелеканале (я имею в виду очередную скороспелку СТС, где задействованы некоторые участники прежней «Бедной Настии», – претенциозно названную историческую картинку «Грехи отцов»? Сумели ли актеры, играющие следующее поколение семьи Градовых, так же вписаться в духовный мир и исторические реалии времени, как это, несомненно, удалось Чуриковой и Соломину? По разным версиям, возникшим как в период съемок «Саги», так и перед началом ее проката, сериал составит то ли 12, то ли 15, а то и еще больше серий. Так что посмотрим, и не только в переносном смысле слова.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.